

руку вотъ какъ, сморкается вотъ какъ, нюхаетъ табакъ вотъ какъ...» (784). Что это, какъ не «мельчайшія подробности внѣшности», и къ чему это, въ виду факихъ цѣлѣй, какъ не ближайшихъ цѣлей будущаго творчества, — понадобилось Гоголю знать? Или напр. (въ письмѣ къ «губернаторшѣ») просить, почти умолять, дабы онъ могъ получить «полное понятіе о ея городѣ», прислать на выдержку двѣ-три сплетни, предлагая даже г-жѣ губернаторшѣ записываніе таковыхъ сдѣлать предметомъ «постоянныхъ занятій, положеннаго часа въ днѣ», узнать, что кто любить, что кому изъ жителей нравится, на чемъ конекъ каждаго, въ чемъ должность каждаго и «сколько въ ней можно принести добра» и т. д. и т. д. (666—667). Въ этомъ родѣ просьбъ Гоголевскихъ можно въ достаточномъ количествѣ отыскать въ его «перспеккѣ съ друзьями» — и все это, какъ будто «между прочимъ», въ перемежку съ наставленіями, совѣтами и моралью въ строго «учительскомъ» духѣ.

IV.

Талантъ, съ точки зрѣнія этики, дѣлается заслугою лишь будучи разсматриваемъ какъ сознательное творчество художника, выполняющаго свое жизненное назначеніе: *въ этомъ же видѣ* талантъ уже не дается въ непосредственномъ, но его *приводятъ* къ этому путемъ воспріятія самого себя; выбрать, слѣдовательно, свой талантъ этически равносильно для художника *«обрѣтенію себя самого съ этической стороны»*. Слѣдовательно, та предварительная подготовка, которую этика предлагаетъ, въ этомъ смыслѣ, закончить художнику до выступленія его на эстетическое поприще писателя, не есть подготовка въ общепринятомъ смыслѣ «раз-